

«АТТИЧЕСКИЕ НОЧИ» АВЛА ГЕЛЛИЯ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК II ВЕКА

Обычно Авла Геллия характеризуют как представителя распространенного во II в. архаического течения в литературе, последователя Фронтона. Главный интерес его «Аттических ночей» для филолога и для историка видят лишь в том, что в них сохранились отрывки из не дошедших до нас произведений античных авторов, Исследуют

¹⁸ E. Kalinka, *Antike Denkmäler in Bulgarien*, Wien, 1906, № 345, содержит и другой вариант написания имени Victor, Βεχτροπίος.

¹⁹ Phlegon von Tralles, Jacoby, F11G, стр. 257, фр. 37; Detschew, *Die thrakischen Sprachreste*, стр. 33, 249 и 255.

²⁰ Sozom., *H. Eccl.*, 7,21.

²¹ Polyæn, 7,22.

²² Detschew, *Die thrakischen Sprachreste*, стр. 518.

²³ Tomaschek, *ук. соч.*, II, 2, стр. 57; Dim. Detschew, *Die ethnika auf -ανος, -γνος*, *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung*, т. 63, вып. 3 и 4, 1936, стр. 227 сл.

²⁴ Dim. Detschew, *Die thrakischen Sprachreste*, стр. 133 и 408.

также на материале «Аттических ночей»¹ употребление самим Геллием редких слов и старинных выражений. Для характеристики же идеологической жизни II в. Авла Геллия привлекают очень редко².

Может быть, Авл Геллий — отгородившийся от современной ему жизни чужак-книжник, высккивавший вышедшие из употребления слова и обороты речи? Не даром же его так часто характеризуют как пример «бесплодной, оторванной от жизни антикварной учености»³. Однако даже беглое знакомство с «Аттическими ночами» показывает, что Авл Геллий живет в гуще современной ему жизни и в его произведениях можно заметить характерные черты эпохи.

Авл Геллий мало говорит о своем времени, но то, каким образом он говорит о прошлом, что он выбирает для занесения в свои записки, живо характеризует интересы той среды, к которой он принадлежал. Да и само его произведение без этой связи со вкусами и стремлениями его времени показалось бы бессмысленным. Авл Геллий в некоторых отношениях напоминает Плиния Младшего. И если на основании произведений Плиния можно было дать очерк истории Римской культуры на рубеже I и II веков⁴, то для середины II в. богатый материал для подобной характеристики разбросан и в «Аттических ночах». Невозможно сравнивать знаменитые «Размышления» Марка Аврелия, произведение выдающееся и глубоко оригинальное, с несамостоятельным, компилятивного характера сочинением Авла Геллия. Однако, если пытаться рисовать картину умственной жизни той эпохи, современниками которой были и не блещущий талантами компилятор⁵ и выдающийся философ-стоик, предпочтение как источнику надо было отдать Авлу Геллию.

Закрепившаяся за Авлом Геллием характеристика представителя архаического течения не дает еще правильного представления ни об авторе «Аттических ночей», ни об его произведении. Отношение самого Авла Геллия к архаическому течению хорошо передает следующий отрывок из «Аттических ночей» (I, 10). Некий юноша очень увлекался редкими древними словами и оборотами речи. Фаворин советует ему не быть столь смешным, не пользоваться вышедшими из употребления словами и выражениями. Нарочитая архаизация языка безусловно осуждается, хотя и приводится почетное объяснение такой архаизации. Это объяснение применимо и к самому Авлу Геллию «Тебе нравится древность, так как она и честна, и хороша, и благоразумна, и скромна. Живи же в прежних нравах, а говори современным языком» (I, 10). Встретить такое утверждение не совсем обычно у писателя, которого всегда обвиняют в преднамеренной архаизации стиля. Авл Геллий не принадлежал к массе тех представителей литературы императорской эпохи, которые, хотя и заимствовали словарь, стиль, приемы композиции старых произведений, но не прониклись их примером чувствовать и думать, не понимали их настоящего духа⁶. Перечитав внимательно «Аттические ночи», можно прийти к твердому выводу, что древние имена в них пестрят не потому, что Авл Геллий имеет вкус к архаизации⁷, а потому, что его моральные убеждения находят подкрепление в древности, которую он идеализирует. Моральные устремления Авла Геллия объясняют нам, почему он примыкал к архаическому течению. Обращение к архаизации есть для него возвращение в какой-то мере к античной простоте.

¹ Именно так характеризует Авла Геллия и П. М. Тронский, История античной литературы, Л., 1951, стр. 462, и «История Римской литературы» под ред. Н. Ф. Дератаги, М., 1954.

² См., например, А. P i g a n i o l, Histoire de Rome, P., 1946; E. A l b e r t i n i, L'empire Romain, P., 1929; САН, т. XI, 1936; А. A u m a r d et J. A u b o u e r, Rome et son empire, P., 1956.

³ «История Римской литературы», стр. 511. Примерно так же характеризует Авла Геллия и В. И. Модестов: «Трудно себе представить большую скудость производительной силы, более жалкое погружение в пустяки, большую уость мирозерцания, не умевшего из 400 прочитанных сочинений извлечь ничего, кроме того, в чем выражалась какая-нибудь особенность выражения и словоупотребления» — В. И. М о д е с т о в, Лекции по истории Римской литературы, СПб., 1888, стр. 748.

⁴ Как это прекрасно сделано в работе В. С. С о к о л о в а, Плиний Младший, М., 1956.

⁵ Вряд ли можно согласиться со стремлением представить Авла Геллия человеком талантливым, выдающимся. А u m a r d et A u b o u e r, ук. соч., называют его истинным римлянином, римлянином с большой буквы. Можно обратить внимание на исключительную начитанность Авла Геллия. Но трудно согласиться с мнением, что если бы Авл Геллий жил несколькими веками раньше, он стал бы крупным ученым (там же, стр. 410).

⁶ См. А u m a r d et A u b o u e r, ук. соч., где вопросы культурной истории освещены очень подробно.

⁷ Т р о н с к и й, ук. соч., стр. 460, например, пишет: «В Риме развивается архаизм, любованию стариной, антикварный и стилистический интерес к памятникам ранней римской литературы».

В «Вестнике древней истории», в № 2 1948 г., была опубликована статья акад. Р. Ю. Виппера «Моральная философия Авла Геллия»⁸, единственная в нашей науке, рассматривающая «Аттические ночи» с исторической точки зрения⁹. Многое в характеристике Авла Геллия Р. Ю. Виппером представляется спорным, и по ходу изложения мы будем останавливаться на этом спорном. Здесь же прежде всего следует указать на чрезвычайно удачное название статьи Р. Ю. Виппера. Все 20 книг «Аттических ночей» Авла Геллия, весь подбор материала в них, по существу, характеризует именно моральную философию автора. Авл Геллий принадлежал если не к числу философов, то к числу моралистов, пытавшихся исправить свое время. Именно с позиций моралиста, а не антиквара, собирающего древнее законодательство, старательно перечисляет Авл Геллий все законы, издававшиеся против роскоши, и говорит, что у древних римлян бережливость и скромность охранялись не только семейными традициями, но и государственным распоряжениями и законами (II, 24). Даже в тех случаях, когда Авл Геллий занят, на первый взгляд, изучением значения слов и изменений этого значения, его интересует больше изменение психологии людей и их образа жизни. Ното elegans во времена Катона, пишет Авл Геллий (XI, 2), говорилось не с похвалой, но как о некоем пороке, хотя и имелось в виду не душевные качества, а разборчивость в пище. Затем значение слова изменилось, но все же в похвалу ставилась не «изысканность», а бережливость. Напрашивается сравнение Геллия с Плутархом, который также стремится представить своему поколению примеры мужества, великодушия, глубины чувств древних. И, пожалуй, такое сравнение будет в известном смысле в пользу Геллия, у которого нет того благодушия, которое заклеймил в Плутархе Марк¹⁰.

Работа Авла Геллия обращена к современникам, их мораль больше всего и интересует автора, им преподносит он уроки из далекого прошлого. Поэтому «Аттические ночи» представляют большой интерес для характеристики культуры времени Антонинов.

Источником сведений об Авле Геллии является само его произведение, хотя специально о себе Авл Геллий нигде не говорит. Происходил он, видимо, из достаточно богатой семьи, о чем можно судить по тому, какое основательное образование он получил. Завершением этого образования была его поездка в Афины. Знакомство с «Аттическими ночами» дает возможность охарактеризовать тот круг деятелей эпохи, которые были идейно близки автору, влияли на формирование его взглядов и убеждений. Не приходится при этом пренебрегать личными дружескими связями Авла Геллия. При отсутствии политических союзов эти связи имели очень большое значение в жизни образованных римлян. Нельзя не вспомнить, несомненно, идеализированную, но в общем верную характеристику подобных личных дружеских связей в Риме, данную Гревсом: «В Риме существовали и до Августа, и при нем, и после него довольно многочисленные группы лиц, которые интенсивно культивировали высшие духовные интересы с широким размахом, вращаясь в сфере „свободных“ гуманитарных наук. Они питались произведениями крупных авторов. Это отвечало лучшей потребности этих лиц в знаниях о мире для осмысления жизни. Они отдавались этим humaniora studia с увлечением, посвящая им много времени. То были по большей части люди богатые или состоятельные...»¹¹.

«Аттические ночи» — это не только выписки из прочитанного. Они в значительной части своей представляют записи слышанных Авлом Геллием выступлений современных ему риторов, философов, софистов, записи бесед, споров, совместных обсуждений книг. Короткие вводные замечания, сопутствующие передаче этих диспутов, прогулок по Риму, дружеских обедов, посещений загородных вилл и т. п., где велись споры и беседы на философские, исторические, юридические темы, создают картину постоянного пребывания Авла Геллия в центре интеллектуальной жизни его времени. Одновременно они дают возможность охарактеризовать и среду, с которой Геллия связывали общественное положение и духовные интересы. Отсутствие в этом случае большой оригинальности и самостоятельности ума Авла Геллия позволяет отождествлять высказываемое им с господствующими взглядами его среды.

⁸ Эта статья, как известно, вошла потом в книгу Р. Ю. Виппера «Рим и раннее христианство», М., 1954, стр. 213. После появления в печати статьи Р. Ю. Виппера появилась работа René M a r a c h e, La critique littéraire de langue latine et le développement du goût archaïsant au IIe siècle de notre ère, Rennes, 1952. С работой Мараша я могла познакомиться лишь по рецензии R e n a r d, «L'Antiquité classique», 1953, № 2. Мараш отказывается от привычного для филологов пренебрежительного отношения к Авлу Геллию. Автор приходит к выводу, что Геллий более глубок, чем Фронтон, быть может потому, что ум его был проще. В работе разбирается роль Геллия в формировании архаического движения в римской литературе.

⁹ В иностранной литературе также нет посвященных Авлу Геллию исторических работ. René M a r a c h e, Mots nouveaux et mots archaïques chez Fronton et Aulu-Gelle, 1952, хотя и не игнорирует исторический фон, все же является исследованием чисто филологическим.

¹⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. I, стр. 83.

¹¹ И. М. Гревс, Тацит, М., 1946, стр. 61.

Более чем в 30 местах встречаемся мы в «Аттических ночах» с Фаворином¹². Ученик Диона Златоуста, друг Фронтонa, Фаворин несколько старше Авла Геллия. Авл Геллий относится к нему с неизменным глубоким уважением. Фаворин считался большим знатоком римской литературы. Изучал он и законы XII Таблиц и охотно объяснял «темные» термины. К Фаворину идет Авл Геллий и за советом, как решить судебное дело, когда он был избран судьей¹³: «я приказал отложить дело и с судебного заседания идти к философу Фаворину, которому в это время в Риме я больше всего следовал» (XIV, 2). Фаворин в качестве некоего арбитра призывается и в решении философских вопросов (XVIII, 1). На примере Фаворина мы видим, что круг интересов образованных римлян того времени был широк. Фаворин интересуется и философией, и литературой, и правом. Значительная близость с Фаворином подтверждается рядом отрывков из «Аттических почой». Вот Авл Геллий сообщает о своей прогулке с Фаворином у бань Тита, во время которой они заняты чтением «Катилины» Саллюстия, обсуждают прочитанный отрывок (III, 1). Затрудняясь объяснить одно из прочитанных мест, они привлекают к беседе и других из прогуливающих здесь. Споры, встречи, беседы на улицах — обычная картина культурной жизни античного города. Разговор о том, кто такие «пролетарии», кто *capite sensi*, завязывается на форуме, где, отдыхая от дел, читают публично книгу из «Аннал» Энноия (XVI, 10). Сопровождал Авл Геллий Фаворина и тогда, когда завязался интересный разговор Фаворина с Домицием по вопросам филологическим (XVIII, 7). Авл Геллий неизменно присутствует у Фаворина на обедах (III, 19). Из философов в Риме Авл Геллий ближе всех с Фаворином. С мнениями и взглядами его он всегда согласен. Встречались они и в вестибюлях Палатинского дворца, куда приходили вместе приветствовать императора (IV, 1; XX, 1). Ни разу в своих беседах они не касались вопросов политики. Фаворин, близкое ко двору лицо, предпочитал в разговорах со своим другом и учеником вопросы литературы, языка, философии. Ослабление политической жизни, угасание общественных интересов можно констатировать и на примере «Аттических почой». Вот Фаворин и Авл Геллий в вестибюле Палатинского дворца: Авл Геллий отмечает, что здесь «стояло множество людей почти из всех сословий, чтобы приветствовать императора». Что же занимает этих людей? О чем они беседуют в часы ожидания? Оказывается, их разговор состоит в выяснении значения и склонения слова *penus* (IV, 1).

Во время поездки в Афины Авл Геллий близко знакомится с философом Тавром, у которого он учился в риторической школе (I, 26). Тавр, вначале считавший, что Авл Геллий прибыл в Афины ради изучения ораторского искусства и выработки красноречия, вскоре становится его близким другом, поскольку интересы Авла Геллия оказываются гораздо шире. Вскоре Авл Геллий стал неизменным участником чтений и обедов у Тавра (VII, 13; XVII, 8; XVII, 20). Учитель и ученик настолько сблизились, что Тавр навещал больного Авла Геллия (XVIII, 10). Когда Тавр отправился в Дельфы к Пифии, Авл Геллий в числе многих других следовал за ним (XII, 5).

В Греции Авл Геллий очень сблизился также с Геродом Аттиком, на пригородной вилле которого мы неоднократно застаем Геллия (I, 2; XVIII, 10). Здесь в роскошной обстановке велись беседы и споры. Авл Геллий всегда находит прекрасный прием на Кефизийской вилле Герода Аттика.

Герод Аттик прекрасно обрисован в статье О. В. Кудрявцева¹⁴. Это человек, близкий к императорскому дому, должностная карьера его протекала одновременно в Афинах, его родном городе, и в Риме. Герод Аттик был главой одной из олигархических группировок, богатейшим человеком в Афинах, известным представителем так называемой второй софистики. В «Аттических ночах» мы встречаемся уже с Аттиком-стариком; жизнь его протекает на его виллах, и ее внешние события мало известны. Влияние Аттика на Авла Геллия было очень велико, он говорит об Аттике неизменно в почтительных выражениях¹⁵. К наиболее близким Авлу Геллию людям можно добавить Тита Кастриция, ученого ратора, пользовавшегося уважением Адриана (XI, 13; XIII, 22), а также Аполлиария Сульпиция (XIX, 13), учителя императора Пертиакса, и, наконец, Фронтонa. В литературе вошло в традицию, когда заходит речь об Авле Геллии, называть особенно близким ему из числа его учителей и единомышленников имени Фронтонa. Это не совсем верно. Впрочем, и упоминающие о такой близости вынуждены отмечать существенную разницу между ними. Сравнение, как правило,

¹² О Фаворине см. P. Collart, *Favorinus d'Arles* (BAGB, 1932).

¹³ Авл Геллий был судьей в суде центумвиров. Плиний Младший (Письма, IV, 24), также избравшийся на должность судьи, относился с глубоким уважением к этому суду.

¹⁴ О. В. Кудрявцев, Герод Аттик и социальная борьба в Афинах, ВДН, 1951, № 3, стр. 64.

¹⁵ Впрочем, Авл Геллий иногда был независим в своих суждениях. Он, например, сочувственно говорит о философе Перегрине (XII, 11), выступавшем, как известно, против Герода Аттика, см. Лукьян, «О смерти Перегринa», 19. Избранные атеистические произведения, М., 1955.

оказывается не в пользу Фронтонa, которого справедливо характеризуют как «словесного виртуоза» и «жеманного риторa»¹⁶. Сам Авл Геллий нигде не называет Фронтонa своим учителем, и его имя всего пять раз встречается в «Аттических почах». Таким образом, если мы посмотрим на тот круг лиц, с которыми у Авла Геллия существовали личные и духовные связи, то увидим, что все они были образованными, богатыми рабовладельцами, принадлежавшими к высшим слоям общества II в., это были люди, стоявшие в центре общественной и культурной жизни своего времени, занимавшие административные и судебные должности. Авл Геллий близок к ним по своему общественному положению, хотя стоял на общественной лестнице несколько ниже некоторых из них, так как принадлежал, видимо, к всадничеству. Идеино он вполне солидарен с представителями рабовладельческих правящих верхов. Большинство из названных друзей Геллия — софисты, вряд ли можно называть их просветителями, как это делает Р. Ю. Виппер.

Интерес Авла Геллия и его среды к вопросам моральной философии представляет постоянным, но преувеличивать глубину этого интереса вряд ли есть основание. При всем своем интересе к морально-философским вопросам люди, окружающие Авла Геллия, заняты прежде всего непосредственными практическими делами. Таков Фаворин, «мудрый уроженец Арля, ловкий софист, утверждавший, что человек, обладающий 30 легионами, всегда прав»¹⁷. Более значительная фигура — Герод Аттик. Он глава олигархической группировки в Афинах. Он жестоко эксплуатирует афинский народ и борется с другой олигархической группировкой за господство в городе. Отдыхая, Герод Аттик занимается моральной философией¹⁸. Сам Авл Геллий во введении заявляет, что он не делал «чрезмерно глубоких изысканий...», по заносил в свои записки все слышанное им в разговорах с учеными современниками, называя это «развлечениями памяти». Все это не позволяет назвать Авла Геллия и его друзей просветителями.

Авл Геллий, несомненно, должен был считаться с кругом интересов окружающих его лиц, тем более что заметки предназначались самим автором для широкой публики, но не для «толпы». Авл Геллий не хочет, чтобы их касалась «будничная чернь». Он заявляет, что чернь его не поймет, приводя по этому поводу старую поговорку «на что греку верность, на что свинье амаракин» (благовоние). В «Аттических ночах» часто сталкиваешься с презрительно-высокомерным отношением к простому человеку. Особенно ясно это выражено в Предисловии. Поэтому решительно нельзя согласиться с той характеристикой, которую ему дает Р. Ю. Виппер, относя Герода Атика и Авла Геллия к группе просветителей и считая, что одной из целей их деятельности было «устранение злых предрассудков, искажающих отношения между людьми»¹⁹.

Цели сочинения Авла Геллия были чисто практические: «дать быстрое и легкое сокращенное пособие», «избавить от бесславного и, конечно, некультурного непонимания дел и выражений людей, уже занятых другими делами». При составлении «Аттических ночей» Авла Геллия вдохновляла *utilitas*, понятие, столь обычное и для других римских писателей.

В основном автор передает хотя бы взгляды его среды. Это среда видных деятелей-софистов, оказывавших влияние и на государей. Почти во всем с ними солидарен Авл Геллий; он не разделяет лишь стремления этих авторов писать на греческом языке. В XI, 8, Авл Геллий специально останавливается на том, что М. Катон справедливо порицал Альбина, написавшего римскую историю на греческом языке. Для сочинения, основой которого была *utilitas*, греческий язык, конечно, не подходил. Римскую мудрость надо было излагать на латинском языке.

Произведение Авла Геллия, как известно, представляет компиляцию, без какой-либо последовательности и системы. Это жанр смешанной литературы, нашедший в то время широкое распространение. Сам Авл Геллий указывает на книги подобного рода других писателей. Авторов он не называет, но из перечисленных названий книг: Моральные письма, Эпистолярные вопросы, Леса — мы можем заключить, что Авл Геллий смело ставил себя в ряд с Сенекой, Плинием, Стацием. С писателями-современниками Авл Геллий не ставит себя в какую-либо связь, хотя такая связь, несомненно, существовала. Как уже говорилось выше, Авл Геллий примыкает к архаическому направлению в литературе, хотя архаизация для него не является самоцелью, а подчинена моральной философии. Интересно было бы определить отношение Авла Геллия к двум крупнейшим писателям его эпохи, Апулею и Лукриану, однако эти три автора нигде не упоми-

¹⁶ A u m a r d e t A u b o u e r, ук. соч., стр. 409. Существует и другая, благоприятная оценка деятельности Фронтонa: см. René M a g a s h e, Mots nouveaux et mots archaïques chez Fronton et Aulu-Gelle, стр. 273.

¹⁷ В. М и х а й л о в с к и й, Космополит на троне цезарей, «Русская мысль», 1885, № 12, стр. 193.

¹⁸ К у д р я в ц е в, ук. соч., стр. 74, писал: «Упорство, с которым афиняне выступали против Герода, показывает, что его господство в Афинах действительно было тяжело для широких масс афинского гражданского населения». Эта сторона в характеристике Герода Атика совершенно не затрагивается в работах зарубежных авторов, о нем говорится лишь как о меценате, украсившем Афины и многие другие города.

¹⁹ В и п п е р, ук. соч., стр. 59.

нают друг друга. Заметим лишь, что Лукиан в зрелый период своего творчества боролся с движением «второй софистики», к которой примыкал Авл Геллий. Авлу Геллию скорее ближе Апулей. Его творчество, увлечение религией и мистикой свидетельствовали по существу о том же, о чем и литературная деятельность Авла Геллия с его поисками моральных идеалов в прошлом, а именно — о вступлении римского общества в полосу идеологического кризиса, о тщетном желании найти выход из него.

Обратимся непосредственно к «Аттическим ночам». В «Аттических ночах» можно выделить исторические, филологические, юридические и философские темы, хотя такое деление, конечно, весьма условно. Поскольку философия сводится к этике, исторические экскурсы служат той же цели, а в вопросах, казалось бы, чисто юридических у Авла Геллия содержится богатый исторический материал (например, I, 13).

Филологические изыскания нельзя считать основными в «Аттических ночах», хотя по количеству они и составляют значительную часть. Авл Геллий разделял распространное в его время увлечение филологическими исследованиями, он рассчитывал на круг читателей с такими же вкусами и писал о тех тонкостях филологии, которые многих в его среде занимали (IV, 1; XIV, 5). О происхождении и этимологии слов спорили не менее горячо, чем о добродетелях и обязанностях. К тому же грамматика была одной из древнейших наук в Риме²⁰ и достигла большого развития. В 26 главе II книги передается, например, как Авл Геллий с Фаворином зашел к Фронтону, где в присутствии многих возник спор о цветах, их оттенках и названиях. Другой пример. Утомленный долгим комментированием, Авл Геллий прогуливался в цоле Агриппы. Здесь он присутствовал при споре двух филологов, как надо говорить в звательном падеже *vir egregi* или *vir egregie* (XIV, 5). Само по себе умение владеть языком считалось признаком хорошего образования. Во времена Геллия оно, однако, вырождалось в приращение к искусственному набору слов.

Очень часто обращается Авл Геллий в своих записках и к римской истории. Обращение к истории всегда было связано у древних авторов со стремлением преподать урок морали, в этом отношении Авл Геллий продолжает твердо установленную традицию. Древность идеализируется, чему можно привести десятки примеров. Вот послы самнитов приносят много денег в подарок Фабрицию, полководцу римского народа. Тот отказывается их принять. Гордо заявляет он самнитам, указав на свои глаза, руки, живот: «Пока я могу владеть и повелевать всеми членами, которых я коснулся, мне никогда ничего не будет не хватать» (I, 14). Прямота и честность древних восхищает Авла Геллия. Когда к римлянам приходят и предлагают убить ядом Пирра (III, 8), занявшего большую часть Италии, римляне отклоняют это предложение, так как не хотят нечестным путем избавиться от опасного врага. Напротив, они предупреждают царя о том, что в его окружении есть изменники. А как великодушны были в древности к политическим противникам! В VI, 19, Авл Геллий передает, как благородно поступил Тиберий Грахх, отец Граххов, по отношению к Сципиону Азиатскому, брату своего политического противника. Грахх защитил его от заключения в темницу, воспользовавшись своим правом интерцессии, так как полагал, что «является недостойным Республики заключать в то же место (темницу) полководца римского народа, куда он приводил вражеских вождей». Мужество древних римлян не менее восхищает автора. Он пересказывает историю о Квинте Цецилии и сравнивает его с Леонидом Спартанским (III, 7); пишет о «римском Ахилле» Дентате, сражавшемся в 120 битвах (II, 11). А как почтительны были древние к старости! Идеализируя безмерно старину, Авл Геллий передает, что с широким стариков провожали молодежь и почет воздавался не за род и деньги, но за возраст (II, 15). И к занятиям в старину относились иначе. Здесь Авлу Геллию приходится ставить в пример Грецию. Повторяя Тавра, он говорит о том, как тяга к учению была, например, у Эвклида, когда он из Мегар, под страхом смертной казни, в женской одежде, все же пробирался в Афины послушать Сократа (VII-10). Орывок заканчивается нелестным сравнением с современниками: учителя-философы ждут своих богатых учеников, пока те проснутся после ночных кутежей. Интересуют Авла Геллия и чисто исторические изыскания: вопрос о республиканских магистратурах (XIII, 13) и о происхождении названия «Италия» (XI, 1) и о том, что такое померий (XIII, 14). Он занят выяснением к его времени ставшего уже неясным термина, кто же такие «пролетарии» (XVI, 10).

Авл Геллий является одним из важных авторов для выяснения содержания законов XII Таблиц. Сам он был юристом по образованию. Юридические и историко-юридические вопросы его живо интересовали (IV, 4; VI, 15; XIV, 2; XVII, 6). Авл Геллий имел высокое понятие о служении Юстиции. Очень красивый по форме отрывок из Хризиппа передает изображение Юстиции (XIV, 4). Комментируя этот отрывок, Авл Геллий пишет, что из него можно сделать вывод, каким должен быть судья: «серьезным, суровым, священным, неподкупным, не поддающимся лести, не знающим милосердия и неумолимым в отношении нечестных и вредных, вдохновенным и могущественным,

²⁰ Древнейшая эпоха знает из наук именно грамматику, затем к ней присоединяется юриспруденция и несколько позже *res rustica*.

страшным силой и величием справедливости и истины». Надо заметить, впрочем, что сам он не был сколько-нибудь выдающимся судебным деятелем и в числе его друзей нет видных юристов, его современников. В «Аттических почтах» ни разу не упоминается, например, юрист К. Сервидий Сцевола, член императорского совета Марка Аврелия. У Авла Геллия было больше связей с литературными и философскими кругами. Проявлял Авл Геллий большой интерес и к древнему законодательству. В «Аттических почтах» встречаются выписки из Лабеоны, Целия Сабина, Мазурия, из законов XII Таблиц и ряд других интересных мест. Законы XII Таблиц, как все овеянное стариной, расцениваются очень высоко. В XI, 18, Авл Геллий пишет: «наши децемвиры... не прибегали к такой, как Дракон, суровости в наказаниях всякого рода воров и не применяли чрезмерной мягкости». Интерес к древнему законодательству в той среде, к которой принадлежал Авл Геллий, был велик. Фаворин признавался, что он «читал эти двенадцать таблиц с неменьшим увлечением, чем 12 знаменитых книг Платона „О законах“» (XX, 1).

Иногда для иллюстрации некоторых юридических вопросов сообщаются любопытные данные из эпохи республики. Так, в тринадцатой главе I книги Авл Геллий останавливается на юридических (автор называет их почему-то философскими) спорах о том, «что является более правильным при принятии поручения, выполнять то, что поручено, или иногда поступить и вопреки поручению, если можно надеяться, что так будет выгоднее для поручившего». После изложения различных мнений, существующих на этот счет, Авл Геллий приводит исторический пример Публия Красса Муциана. Приведем этот пример словами самого Авла Геллия. «Когда в бытность консулом Красс оккупировал провинцию Азию и готовился к осаде и штурму Левков, ему понадобилось крепкое и длинное бревно, чтобы сделать таран, которым можно было бы пробивать стены города. Тогда он написал вождю... (имя этого вождя в тексте неразборчиво) друзей и союзников римского народа, чтобы он позаботился прислать большее из двух деревьев, которые он у них видел. Вождь, догадавшись, зачем Крассу понадобилось дерево, послал не большее, как просил Красс, а меньшее, которое, по его мнению, было более удобным и подходящим для изготовления тарана и более легким для переноски. Красс велел его позвать и спросил, почему он не прислал дерево, какое у него просили; высказанные вождем основания и доводы Красс отверг, а затем велел его раздеть и сильно высечь розгами, считая, что всякий долг повелевающего нарушается и прекращается, если кто-либо на приказание сделать что-то отвечает не должным исполнением, а непрошенным советом» (I, 13). Сам по себе возмутительный поступок Красса по отношению к вождю «друзей и союзников римского народа» не вызывает у Авла Геллия никаких комментариев. Ни малейшего стремления осудить произвол римского проконсула нет в рассказе об этом возмутительном поступке.

Увлечение прошлым не дает Авлу Геллию возможности перейти здесь к критическим замечаниям. Это увлечение прошлым, которое можно проследить у Авла Геллия, безразлично, обращается ли он к юридическому, филологическому или историческому материалу, по существу являясь отражением в идеологической области стремления увековечить существующий рабовладельческий строй.

Можно ли считать передовой для своего времени моральную философию Авла Геллия? В «Аттических почтах» много глав посвящено разбору философских вопросов, в основном вопросам моральной философии. Для оценки идеологии II в. они очень важны. Р. Ю. Виппер считал, что «Геллий очень важен как наилучший выразитель оптимистической безрелигиозной морали римского стоицизма, сделавшегося основой просветительской политики Антонина Пия и Марка Аврелия»²¹. С этим трудно полностью согласиться. Можно ли назвать мораль стоицизма оптимистической в каком-либо из периодов его существования? Является ли оптимистической мораль Авла Геллия? Слишком мало остается места для оптимизма там, где все хорошее оказывается лишь в прошлом. Ведь именно поиски положительного и заставляют автора все время обращаться к старине (I, 14; II, 11; III, 7; 8; VI, 19; VII, 10 и др.). О каком оптимизме может идти речь, когда весь подбор писателей и поэтов в «Аттических почтах», многочисленные примеры староримской доблести, восхваления Законов XII Таблиц изобличают желание автора уйти в прошлое? Кроме того, причисление Авла Геллия к стоикам нуждается в некоторых оговорках. Стоицизм был господствующей в его время философской системой. Авл Геллий, человек хорошо образованный, но не слишком самостоятельный в своих суждениях, хорошо знаком со стоической философией, во многом ей следует. Но в выраженных в «Аттических почтах» взглядах никак нельзя видеть вершину, до которой поднялись римские мыслители. Безусловно, автору «Аттических почт» ближе всего стоическая философия (I, 6; II, 7; VII, 1; XIV, 4; XVII, 19; XVIII, 1 и др.). Однако можно привести несколько отрывков, свидетельствующих об иной, казалось бы, философской принадлежности их автора. Так, в VII книге в 10-й главе философ Тавр назван «прославленным на нашей памяти в платоновском учении». Тавра же Авл Геллий обычно называет «наш Тавр». В IX книге в 5-й главе, озаглавленной «Различные мнения знаме-

²¹ Виппер, ук. соч., стр. 58.

нитых философов о характере и природе наслаждения», приводятся высказывания о названном предмете Эпикура, Антисфена, Академии, Зенона, перипатетиков. При этом о Платоне говорится с особой похвалой как о давшем наиболее полное определение и объяснение вопросу. Приведенные места должны явиться подтверждением известного в истории философии факта смещения идеалистических философских школ в этот период, сглаживания расхождений между ними. «Линия Демокрита в римской философии была представлена материалистическим учением Лукреция, линия Платона — эклектикой Цицерона, философией стоиков и более поздних идеалистико-мистиков»²². К этой второй линии в философии принадлежал Авл Геллий. Его особенная симпатия к Платону не представляет ничего противоречащего его приверженности к стоицизму. Еще Панэций пытался сгладить противоречия между стоической и платоновской философией. Риторы и софисты, окружающие Авла Геллия, и сам он приспособляли философию к нуждам своей среды.

Несмотря на всю непоследовательность, которая была в философии и жизни Сенеки²³, нельзя все же ставить Сенеку ниже Геллия и его окружения, как это делает Р. Ю. Виппер. И тот и другой принадлежали к одной и той же линии в философии. Линия Демокрита, представленная в учении Лукреция, в данный период выдающихся продолжателей не нашла.

Сам Авл Геллий отрицательно относился к Сенеке не только как архаист к представителю иного стиля в литературе. Он выступал и против философии Сенеки (XII, 2). Но что же по существу неприемлемо у Сенеки для Авла Геллия? Ответить на этот вопрос очень трудно, так как Авл Геллий пользуется здесь по существу приемом умолчания. Интересно, что Марк Аврелий, философ-стоик, ни разу не упомянул имени Сенеки в своем философском труде. Авл Геллий также лишь один раз называет его, и очень туманно выражается, что «не столько помогают подрастающему поколению хорошие слова, сколько заражают дурные» (XII, 2) и что «особенно плохо в советах Сенеки то, что некоторые из них говорят не в качестве заключения о каком-нибудь небольшом и простом деле, а в качестве совета в сомнительном деле».

У Авла Геллия философия облечена в легко усвояемую форму коротких рассказов. Стоическая доктрина очень смягчена. Эта ослабленная, лишенная невыполнимых для «среднего человека» требований философия могла довольно широко распространиться, но глубоко поразить душу не могла; в известной мере это облегчало борьбу христианства с нею. Так и кажется, что именно об Авле Геллии сказал Г. Буассье, когда давал характеристику стоической морали: «Мораль эта (стоическая) могла сначала оттолкнуть своею строгостью; но она высказывалась в маленьких книгах, наполненных баснями и драматическими рассказами. Ее доктрина часто была путаной, темной. Она пыталась сделать ее живой посредством аллегорий и примеров»²⁴. Эти ослабленные требования даются Авлом Геллием часто со ссылкой на авторитетные для стоиков имена, например Панэция.

Многое в моральных поучениях Авла Геллия овеяно духом его времени. Его рассуждения и советы часто высоко моральны. Ряд параграфов посвящен вопросам воспитания (XII, 1; IV, 19), где были очень популярны советы следовать природе. Фаворин убежденно советует матерям самим вскармливать детей: «Не является ли это насилием над природой, не быть ли матерью лишь наполовину, если удалить от себя ребенка, едва он родился?» (XII, 1). В 19-й главе IV книги Авл Геллий останавливается на вопросе питания подростков.

Рассуждения о необходимости следовать природе встречаются и по другим поводам. Вот, например, приводимое Авлом Геллием рассуждение Тавра о храбрости: «Храбрость не то, что действует наподобие чуда..., но подлинная и хорошая храбрость та, которую наши предки называли знанием вещей переносимых и не переносимых» (XII, 5). Интерес к естественным вопросам, к связи духовного и материального сказывается в 13-й главе IV книги, где говорится о связи между телесными и духовными недугами и лекарствами. Это прослеживается также и в резком осуждении Авлом Геллием апатии. Мы привыкли к общей характеристике стоицизма: «Высшая нравственная цель для человека, согласно учению стоиков, — „апатия“, полное освобождение от чувства удовольствия, возделения, печали и страха»²⁵. В «Аттических же ночах» «апатия» неоднократно подвергается суровой критике. При этом в одном месте указывается, что она уже отброшена стоиками (XII, 5). Герод Аттик, как передается в отрывке из «Аттических ночей» (XIX, 12), говорил, что «решительно ни один человек, который чувствует и мыслит согласно природе, не может не испытывать или избежать полностью тех душевных волнений, которые он называл *πάθη*. А если кто и сможет избежать этих волнений, тот от этого не станет лучше, так как дух его станет вялым». Приводится следующее сравнение. «Фракиец, — сказал Аттик, — из крайне варварских

²² «История философии», т. I, М., 1957, стр. 141.

²³ См. высказывание Энгельса о Сенеке, Ф. Энгельс, Бруно Бауэр и раннее христианство, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XV, стр. 607.

²⁴ G. B o i s s i e r, La religion Romaine d'Auguste aux Antonins, P., 1906, стр. 125.

²⁵ «История философии», т. I, стр. 137.

мест, непривычный к обработке земли, когда пришел на возделанные земли вследствие желания вести более человеческую жизнь, купил земельный участок, засаженный оливками и виноградом. В то время как он не знал совершенно ничего относительно возделывания виноградных лоз или деревьев, он увидел, что его сосед вырывает ежевику, высоко и широко разросшуюся, обрезает ясени и почти до самой верхушки вырывает с корнем поросли лоз, раскинувшиеся над землей, обрезает на яблонях и сливах бурно растущие паразитарные побеги. Фракиец подошел к нему и спросил, почему он учинил такую порубку деревьев и ветвей. А сосед так ответил: „чтобы земельный участок был опрятным и чистым, а находящиеся на нем дерево и виноградные лозы плодороднее“. Тот уходит от соседа благодарный, веселый, как будто приобщился к науке о сельском хозяйстве. Затем берет серп и секиру и, будучи, к несчастью, неопытным, обрубает все виноградные лозы и оливы, а также вырубает лучше и самые плодородные поросли виноградника и, для того чтобы очистить участок, сразу валит все плодородные деревья, покрытые зародышами яблوك и других плодов, с корнями и отростками. Так не на пользу попало ему учение; слепо подражая, он проявил смелость и уверенность и поступил несправильно. Так, — сказал Аттик, — и эти последователи „апатии“, которые хотят казаться спокойными и бестрепетными и неподвижными, пока ничего не желают, ничего не жалеют, ни на что не гnevаются, ничему не радуются, лишившись всяких стимулов к более сильному проявлению духа, они стареют, погрязнув в бездеятельной жизни, как бы лишенной основного нерва».

Такое же резко осуждающее отношение к „апатии“ встречаем и в другом отрывке из «Аттических ночей». В XII, 5, приводится речь философа Тавра о способе перенесения страданий согласно стоическому учению. Тавру задает вопрос «...если столь велика жестокость страдания... то почему же говорят, что страдание у стоиков считается безразличным, не злом?» Тавр указывает, что он не очень сходится со стоией, но попытается ответить. В его ответе осуждается стоическая „апатия“ и говорится, что ее оставили уже и стоики. При этом делается ссылка на Панэция. Отход от „апатии“, безусловно, — то положительное, что есть в философских взглядах Авла Геллия и, таким образом, в моральной философии II в., поскольку известно, что сам Авл Геллий здесь не оригинален. Объяснение этому, возможно, следует искать в оживлении при Антонинах административных интересов верхушки общества, которая получила возможность более широкого применения своих сил, чем в предшествующее столетие.

Обратимся к тому, каково отношение Авла Геллия к рабам и рабству. Отрывков, посвященных этому предмету, в «Аттических ночах» очень мало. Р. Ю. Вишпер обратил особое внимание на один отрывок. Это — гл. 18 из II книги, где перечисляются философы, бывшие когда-то рабами. На основании того, что Авл Геллий произвел такой подбор материала, Р. Ю. Вишпер стремился показать огромные перемены, которые произошли в отношении к рабству в умах высшего римского общества за 100 лет. Сравнить приходится с Сенекой. Несомненно, что за 100 лет во взглядах на рабство должны были произойти перемены в сторону осуждения рабства, однако найти подкрепление этому в «Аттических ночах» не представляется возможным. Р. Ю. Вишпер пишет, что если Сенека, «который впервые заговорил о человеческих правах, о человеческом достоинстве рабов», «репался затронуть этот трудный, сложный, крайне болезненный для рабовладельцев вопрос только в интимной переписке, в советах близкому другу...», то у Авла Геллия «...широкая общеперская аудитория, вопрос о положении рабов, об обращении с ними обсуждается публично; Геллий переносит беседу о человеческом достоинстве рабов на историческую почву, говорит о культурных заслугах философов, вышедших из рабского званья»²⁶. Такое заключение даже названным отрывком полностью подкреплено быть не может. А все другие отрывки, где говорится о рабах, свидетельствуют лишь о крайнем равнодушии к ним. Возможно, что у Авла Геллия «широкая общеперская аудитория», хотя и в этом можно сомневаться. Вопрос же о положении рабов, об обращении с ними совершенно не ставится Авлом Геллием ни в приведенном отрывке, ни в каком-либо другом. И если «советы Сенеки были очень робки, сдержанны и осторожны», как пишет Р. Ю. Вишпер, то у Авла Геллия нет и таких советов. Авл Геллий подробно описывает, какие рабы продавались с венками, а какие с палками на голове и почему (VI, 4). В XVII, 6 он говорит, какой раб назывался *гесертисий*, ни на минуту не отвлекаясь от выяснения чисто юридических отношений рабовладельцев, а самого раба рассматривая как вещь. Не надо забывать, что он друг Герода Аттика и Фаворина, у него презрительное отношение и к свободной «черни». Недаром в Предисловии он берет в этом отношении за образец Аристофана. У Авла Геллия нет высказываний о рабстве, подобных афоризмам Эпиктета, который говорил, что «благородный человек не позволит прибегнуть к услугам рабов или жить под одной кровлей с несвободными людьми». В то время как Эпиктет резко отрицательно относился к рабству, Авл Геллий не высказывается против рабства. Для характеристики отношения к рабам самого Авла Геллия и его ближайшего покровителя и друга Герода Аттика характерно следующее место из 2-й главы IX книги: «...мои предки — афиняне санкционировали публичным декретом, чтобы имена храбрейших юношей Гар-

²⁶ В и п с р, ук. соч., стр. 63.

модия и Аристогитона, которые для восстановления свободы решили убить тирана Гипшия, никогда не разрешалось давать рабам, так как считали нечестивым, чтобы имена, посвященные свободе родины, пятнались прикосновением к ним рабов». В приведенном отрывке ясно выражена классовая позиция Авла Геллия и Герода Аттика в отношении к рабам. Это обстоятельство не дает возможности говорить о прогрессивности взглядов Геллия на рабов по сравнению с Сенекой.

Не подходит к морали Авла Геллия определение ее как «морали века сознательных личностей»²⁷. Авл Геллий и окружающие его люди, хотя и высоко образованные, разделяли тем не менее многие суеверия и предрассудки. Геллий верит гаданиям, предсказаниям. Так, в XV, 18 с полным доверием передается, что когда в Фессалии сражались Цезарь и Помпей, некий жрец Корнелий в Транспаданской Галлии сказал, что видит ожесточенную битву, и предсказал Цезарю победу. С некоторым удивлением передает Авл Геллий, что Фаворин произнес речь против гадания по звездам (XIV, 1). Авл Геллий даже задает риторический вопрос — не является ли речь Фаворина лишь поводом показать ораторский талант. Настолько странно ему, что философ не верит астрологии.

Этими небольшими заметками об Авле Геллии мы хотели привлечь внимание к автору, дающему многообразный материал для характеристики культурной жизни римского общества II в. Мы пытались также показать, что те, кто знакомится с «Аттическими ночами», должны видеть в них в первую очередь характеристику идеологической жизни Римской империи II в. Стремясь дать примеры доблести и высокой морали прошлого, наш автор совершенно не приводит таких примеров из современной ему действительности.

Время, вошедшее в историю под названием «Золотого века», давало для этого мало возможностей. Существующий социальный строй клонился к упадку. В кругу рабовладельческой аристократии, представляемой которой выступал и Авл Геллий, жило стремление как-то укрепить его. Моральная философия Авла Геллия и его аристократизм являлись по существу идеологическим отражением этого стремления.

К. Ш. Новицкая